
18+

Артем Дукач

# путишествие Гипириона

«Автор»
2026

**Дукач А. Д.**

путишествие Гипириона / А. Д. Дукач — «Автор», 2026

«Тринадцать за одним столом» — глава, где тишина стазиса сменяется живым, горьким разговором. Проснувшиеся сквозь века люди садятся за общий стол и впервые по-настоящему называют друг другу свои истории: кто бежал от войны, кто ждал лекарства, кто надеялся проснуться в мире, где ещё ценят живой голос. Но за тёплым светом кают-компании прячется страшная правда: Эон знает их всех не по документам — он провожал этих людей в смерть уже семьсот девяносто три раза. И каждый раз конец был неизбежен. Пока кто-то из них не спрашивает: «А ты сказал, что нам не стоит пытаться?» В этой главе надежда перестаёт быть наивностью и становится выбором — и, возможно, единственной силой, способной изменить приговор Вселенной.

© Дукач А. Д., 2026
© Автор, 2026

# Артем Дукач
# путишествие Гипириона

# Глава 1

# Глава первая. Тринадцать щелчков

Сначала был холод. Потом — щелчок.

Зал стазиса был огромным и тёмным. Вдоль стен стояли тринадцать капсул — глубокие, покрытые инеем, будто их очень долго держали в зиме. Ни экранов, ни гула машин, ни дежурного света. Только тонкая полоска голубого сияния вдоль швов — как будто живое сердце билось где-то глубоко под полом.

Первой открыла глаза Лира. Она села слишком резко, и мир качнулся. Прошло несколько секунд, прежде чем она поняла: тишина — не в её ушах. Тишина была в самом зале.

Последнее, что она помнила: координационный центр, куда она зашла на минуту, а вышла — через одиннадцать лет. Очередь заявок на эвакуацию, растянувшаяся на пол-экрана. Голос дежурного: «Мисс Аверин, капсула готова. Мы не обещаем пробуждение — мы обещаем попытку». Она тогда усмехнулась: «Красиво. Запишу на надгробие». И легла.

— Где интерфейс? — прошептала она, проводя ладонью по мёртвой панели капсулы. — Статус? Диагностика? Хоть что-нибудь…

Панель молчала. Лира ещё раз коснулась её — и вдруг заметила, что дрожит. Не от холода. От самой мысли, что прошло не пятьдесят лет, не сто — а что-то, что уже нельзя назвать словами.

Рядом, с глухим стуком, откинулась крышка второй капсулы. Из неё выбрался мужчина за сорок, с жёстким лицом человека, который привык не верить хорошим новостям. Он сел, прижал ладонь к виску и поморщился — стазис вырывал его из сна грубо, через боль в каждом суставе.

— Тихо, — прохрипел он, хотя Лира уже не говорила. — Слушай. Слушай, как тихо.

— Я умею знакомиться, вообще-то, — сказала Лира, чтобы заглушить страх. — Лира. А ты?

— Кай. Две тысячи сто восьмидесятый год, если тебе это что-то говорит. А если нет — спроси потом. Сейчас важно другое: сколько здесь капсул?

Лира обвела зал взглядом.

— Тринадцать.

— А людей?

— Я вижу двоих. И одну тень у дальней стены.

Тень у дальней стены двигалась. Она стояла спиной к ним, у единственной живой консоли в зале, и её пальцы быстро ходили по клавишам — буднично, привычно, будто это был обычный рабочий день.

Дальше капсулы начали открываться одна за другой, с разными щелчками, как часы, которые долго не работали и теперь не могут договориться о времени.

Из третьей выбрался молодой парень — тонкий, бледный, с большими испуганными глазами за стёклами очков. Он не бросился осматриваться. Он поднял свои руки и долго смотрел на них, как на чужие.

Ему было двадцать шесть, когда врач произнёс слово, от которого в его семье молчали даже за столом: «неизлечимо». Тео хорошо помнил тот день — как помнят запах операционной. Он вышел из клиники, сел на скамейку и впервые в жизни понял, что такое «оставшееся время». Оно было крошечным. Потом ему предложили стазис — и «оставшееся время» вдруг растянулось в бумажную полоску без конца.

— Я не должен был проснуться, — сказал он тихо. Не им. Себе. — Я болел. Меня обещали разбудить, когда найдут лекарство. Я просил не будить на полпути… — Он сжал кулаки, потом разжал. — Я здоров. Я здоров, и это меня пугает больше всего.

— Дай руку, — раздался голос от четвёртой капсулы.

Оттуда, не спеша, поднялась пожилая женщина с седыми волосами, собранными в аккуратный пучок. Она не растерялась, не заплакала, не закричала. Она села на край капсулы, протянула руку Тео и двумя пальцами нашла пульс на его запястье.

— Ровный, — сказала она удовлетворённо. — Стазис — штука хитрая: сердце может запустить, а сосуды забыть. Теперь я. Зови Мира. Я была врачом. Инфекционистом. Двадцать лет.

— Инфекционистом? — переспросил Тео и вдруг горько усмехнулся. — Вы бы мне пригодились лет на десять раньше.

— А я тебе, может, пригодилась только что, — спокойно ответила Мира. — Дыши глубже.

Пятая капсула открылась с таким грохотом, что все вздрогнули. Из неё вылетел парень в лёгкой куртке — и тут же рухнул на пол, потому что ноги его не держали.

— Проклятье! — выдохнул он. — Сколько я спал? Год? Пять? У меня был контракт! Меня ждут на орбите!

— Стой, — твёрдая рука подняла его за плечо.

Это был мужчина с короткой стрижкой и спокойными глазами человека, который просыпается по тревоге уже не в первый раз. Он держал пилота за плечо, пока тот не обрёл равновесие.

— Джет, — сказал пилот, качаясь. — Пилот. Гражданский. А ты?

— Эдан. Дежурство. Не пришли за мной.

— Это всё?

— Это главное.

Джет смотрел на свои руки, на кончики пальцев — на них он опирался о штурвал каждый день девять лет. Он вспомнил последний разговор с сестрой перед вылетом: она смеялась, что будет ждать его у трапа с баннером «Добро пожаловать домой, брат». Она обещала. Она была моложе его на шесть лет. Она не могла не дождаться.

Дальше — Сора. Она вышла из капсулы, не глядя по сторонам, и сразу пошла к стене, где когда-то были панели связи. Провела ладонью по мёртвому экрану. Второму. Третьему.

— Нет сети, — констатировала она. Ни паники, ни слёз — только профессиональное разочарование. — Вообще никакой. Ни внутренней, ни внешней. Ни одной несущей частоты. Как будто планета… умерла.

— Планета не может умереть, — сказал Тарик, поднимаясь из своей капсулы. Высокий, худой, с ранними сединами. — Планета может опустеть. Это разные вещи. — Он посмотрел на потолок. — Стазис без даты выхода… Система ждала внешнего триггера. События. Какого?

— Какого события? — переспросила Лира.

— Я не знаю, — сказал Тарик. — И это меня пугает, потому что я должен был знать. Я подписывал этот проект.

Он произнёс это слишком быстро — как человек, который врёт, не успевая придумать ложь заранее. Зои, уже свободно стоявшая у своей капсулы, посмотрела на него искоса и ничего не сказала. Она умела читать людей почти так же хорошо, как схемы.

Из восьмой капсулы, самой дальней, раздался тихий голос — женщина пела. Полузабытую колыбельную, почти шёпотом. Она открыла глаза, досмотрела куплет до конца и только потом поднялась:

— Простите. Когда слишком тихо, мне кажется, что я всё ещё сплю. А если я пою — значит, я здесь. Ария. Я артистка.

— Красиво, — сказала Зои, вылезая из соседней капсулы — быстрая, смуглая, с коротко остриженными волосами. Она осмотрелась, пересчитала всех глазами — губы её шевельнулись, будто она тихо считала до трёх. — Все на месте. Кроме… сколько нас должно быть?

— Тринадцать, — сказала Лира.

— Значит, нас тринадцать. Я Зои. Я техник. И у меня плохо с готовностью к апокалипсису.

Двенадцатой капсулой занималась Нина — она поднялась медленно, держа в руках тонкую книгу в потёртом переплёте. Книгу она держала так, как держат ребёнка: чуть наклонив, прикрывая локтем от мира.

— Какой сейчас год? — спросила она первым же делом. Голос её дрожал. — Мне нужно знать, какой сейчас год. Я архивист. Я хранила знания. Мне нужно знать, до какого момента их осталось хранить.

Никто не ответил. Потому что ответа не знал никто.

Кроме одного.

Они оглянулись — и тут заметили то, чего не заметили раньше: тринадцатая капсула, в дальнем углу, была не такой, как остальные. Другие были из тёмного глянца, с гладкими швами и логотипами проектов, которые за века стёрлись до бледных теней. А по крышке этой шла полоса заводской маркировки другой эпохи — грубее, простее, как будто её делали в спешке. И на металле — глубокие царапины, будто её когда-то тащили волоком по камню.

Крышка поднялась беззвучно. Из неё вышел мужчина с мозолистыми руками и лицом, обветренным так, словно он провёл всю жизнь под открытым небом — хотя стазис не оставляет загара.

— Две тысячи сто двадцать третий, — сказал он медленно, привыкая к звуку собственного голоса. — Я Феликс. Я инженер. В моё время планета умирала не от войн — от арифметики. Океаны мелели, почва выгорала, а корпорации продавали людям места в бетонных коробках и называли это спасением. Я строил такие коробки. Красивые. С гербами владельцев на стенах. А потом понял, что строю их не для людей — для денег, которым уже не понадобится воздух. — Он положил ладонь на стену зала, на металл, который за века не тронула ни одна коррозия. — Лёг в стазис без даты. Пусть будят, когда планете станет лучше. Или когда станет хуже настолько, что будет не до гербов.

— Хороший сплав, — сказал он с профессиональной грустью, оглядев стены. — Две тысячи лет — и ни пятнышка. Мы такого не умели.

— Две тысячи лет, — повторил Кай. — Две тысячи. Ты знаешь, сколько прошло?

— Нет, — просто ответил Феликс. — Потому и спросил.

Они выстроились в зале — тринадцать человек из тринадцати десятилетий, — и только теперь по-настоящему посмотрели друг на друга. Странная очередь: от человека, знавшего планету до Великой миграции, до той, что видела её последние часы.

И тогда все обернулись к дальней стене. К консоли. К человеку, который всё это время стоял спиной и работал.

Он не оборачивался. Пальцы его продолжали ходить по клавишам — быстро, точно, без единой ошибки. На экране бежали строки данных — слишком быстро, чтобы кто-то успел их прочитать.

— Эй, — сказал Кай. — Ты.

— Я знаю, — ответил тот, не оборачиваясь.

— Ты знаешь что?

— Что вы собираетесь спросить. Вы собираетесь спросить, кто я такой. И почему я проснулся раньше вас.

Он наконец повернулся. И это было хуже, чем если бы он оказался чудовищем: в его лице не было ни страха, ни растерянности, ни надежды. Только глубокая, старая усталость человека, который слишком долго несёт что-то тяжёлое.

— Лира, — сказал он, глядя на неё. — Кай. Тео. Мира. Джет. Сора. Тарик. Ария. Зои. Нина. Феликс. Эдан. — Он назвал каждого по имени, не глядя в списки, не глядя в документы,

которых не было. — Я Эон. И я прошу вас: не задавайте вопросов, на которые я не смогу ответить. Их слишком много.

— Начнём с одного, — Кай шагнул ближе. — Кто разбудил нас? Капсулы не открываются сами — нужна команда. Откуда команда?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.